

МАРКЕРЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА И ПРОБЛЕМА ЕГО ВОССОЗДАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И. И. Хрипунова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 февраля 2012 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению маркеров аксиологического фона исходного и переводного текстов (на материале рассказов Петера Хандке и его переводов на русский язык). Уделяется также внимание основным переводческим решениям, направленным на воссоздание аксиологического фона оригинального художественного текста в тексте перевода.

Ключевые слова: аксиологический фон, оценочность, аксиологическая категоризация, переводческая стратегия, импрессивная эквивалентность.

Abstract: the article has as its object the markers of axiological background in the source and translated text. It also focuses on the main translation solutions seek to render the axiological background of the original literary text into the translated text. The study is based on the material of Peter Handke's novels and their translations in Russian.

Key words: axiological background, evaluation, axiological categorization, translation strategy, impressive equivalence.

Сопоставление оригинального (исходного) (ИТ) и переводного (ПТ) текстов в аксиологическом аспекте дает много информации о том, каким образом происходит процесс аксиологической категоризации, поскольку ИТ и ПТ являются текстами с одинаковым содержанием, но созданными представителями разных лингвокультур. Сравнение немецкого и русского текстов на предмет воссоздания аксиологического фона исходного позволяет выявить, распознаются ли средствами другого языка ценностно-значимые сведения, принципиальные для рецепции художественного произведения. Знание о том, что распознается или не распознается в ПТ носителем иной культуры, дает информацию об универсальных и специфических закономерностях аксиологической категоризации. Изучение закономерностей такого сложного ментального процесса представляется чрезвычайно важной задачей, поскольку именно аксиологическая категоризация является той когнитивной рамкой, через которую селектируются сведения о мире.

Настоящее исследование проведено на материале рассказов Петера Хандке «Die Angst des Tormanns beim Elfmeter» (ИТ1) и «Der kurze Brief zum langen Abschied» (ИТ2) и их переводов на русский язык «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (ПТ1) и «Короткое письмо к долгому прощанию» (ПТ2), выполненных соответственно Валентиной Курелла и Михаилом Рудницким.

Выбор в качестве эмпирического материала новелл П. Хандке обусловлен тем, что произведения этого крупнейшего писателя современности, уже ставшего классиком, не поддаются однозначной трактовке. Истории главных действующих лиц в произведениях П. Хандке, будь то рассказ о закате карьеры (ИТ1) или разрыве с женой (ИТ2), раскрывают повседневные ситуации с иного ракурса, так как автора всегда интересовало и интересует нечто еще непознанное им, и он непременно находит особенное в самых простых вещах [1].

Это обстоятельство чрезвычайно важно в рамках настоящего исследования, поскольку тонкости, имплицитно заложенные автором в произведение и подчиненные его интенции, не всегда удаются передаче средствами другого языка и не всегда улавливаются носителями иной культуры. В связи с этим такие сложные тексты, как произведения П. Хандке, являются наиболее адекватным поставленным нами задачам материалом.

Проведенный анализ аксиологических контекстов в ИТ1 и ИТ2 позволил нам определить, за счет чего достигается оценочность высказывания, т.е. то, за счет чего высказывание воспринимается реципиентом как оценочное.

Из проанализированных рассказов Хандке аксиологический фон наиболее четко прослеживается в ИТ1, так как в этом тексте косвенные оценки преобладают над прямыми. Доминирование в тексте косвенных оценок свидетельствует о неременном на-

личии аксиологического фона и требует особого внимания к тексту при переводе. Игнорирование такого важного параметра, как компонента аксиологических стратегий, может привести к выбору менее удачной переводческой стратегии, что в конечном итоге скажется на передаче авторских интенций в искаженном виде или менее адекватном восприятии текста реципиентами.

Обобщив полученные результаты, к основным способам конструирования аксиологического фона в ИТ1 и ИТ2 мы можем отнести следующие.

Во-первых, нейтральное вне контекста высказывание интерпретируется как оценочное за счет точных, емких и выразительных предложений, содержащих прямую и часто категоричную оценку. Обозначенный способ характерен для ИТ1 и ПТ1. В большинстве проанализированных примеров ИТ1 положительная или отрицательная коннотация присутствует только у одного из компонентов предложения: *Er hatte Todesangst* [2, S. 22] => *Ему было смертельно страшно* [3]; *Bloch wurde ruhig* [2, S. 17] => *Блох успокоился* [3]; *Bloch wurde nervös* [2, S. 20] => *Блох стал нервничать* [3]; *Bloch wurde ungeduldig* [2, S. 58] => *Блох стал терять терпение* [3].

Предложения такого рода влияют на рецепцию пред- и посттекста нейтрального вне контекста выражения и маркируют изначально нейтральные ситуации/процессы/действия/факты, создавая аксиологический фон. Данные предложения-маркеры аксиологического фона повторяются в тексте с определенной периодичностью: в среднем более двух на страницу. За счет их внедрения в текст возникает ощущение угрозы, страха, напряжения, неопределенности, опасности, идущей извне. Таким образом, в тексте конструируется аксиологический фон, поэтому практически любое высказывание, к примеру *Ein Polizist, den er grüßte, ... grüßte nicht zurück* [2, S. 8] или *Draußen hatte sich ein Kind beim Spielen so gut versteckt, dass es nicht gefunden wurde* [ibid, S. 71], интерпретируется как «отрицательная оценка ситуации».

Во-вторых, высказывание воспринимается как аксиологически маркированное благодаря частому использованию синтаксических конструкций типа *so Adj./Adv. + V., dass...; es kam (ihm) vor, dass/als...; es schien (ihm), als ob...; versuchte..., aber...*, с помощью чего передается нервное напряжение главного героя ИТ1 и ИТ2, мания преследования в ИТ1, например: *Es war so still in dem halbdunklen Raum ..., dass Bloch es nicht mehr aushielt* [ibid, S. 54]. => В полутемной комнате... **было до того тихо, что** Блох не мог больше этого выдержать [3]; *...mein Entsetzen wurde so stark, dass ich mich plötzlich in ein Ding zurückverwandelte* [4, S. 20] => ...внезапно к горлу **подкатила такая дурнота, что** я точно одеревенел [5]; *Jeder Mensch, und vor allem jeder Ort, den ich noch*

nicht kannte, wurden mir beim Lesen so sümpathisch, dass ich eine Art Fernweh danach bekam [4, S. 41] => *Всякий человек и особенно всякое место, еще не знакомое мне, становились при чтении до того симпатичными, что я испытывал своего рода ностальгию по ним* [5]. По частоте использования данный способ относится, в первую очередь, к ИТ1 и ПТ1.

В-третьих, нейтральное вне обсуждаемого контекста высказывание интерпретируется как оценочное за счет экспликации в тексте сведений о сопутствующих мотивах действия персонажей, а также реализации намерений автора новеллы. В ИТ1 к таким вспомогательным мотивам относятся мотивы беспорядка, смерти, бесполезности и имеющихся в тексте намеков на психическое расстройство главного героя, например: *Zurück zum Naschmarkt, bei Anblick der unordentlich gestapelten leeren Obst- und Gemüse-kisten hinter den Ständen, kam es ihm wieder vor, als ob die Kisten eine Art von Spaß seien, nicht ernst gemeint*. [2, S. 17]; *Er... betrachtete die Schmetterlingsreste...* [ibid, S. 70]; *...erblickte er unter sich in Wasser die Leiche eines Kindes* [ibid, S. 66]; *...es nützte nichts, es änderte nichts* [ibid, S. 72]; *Nichts half* [ibid]; *Was er rede, besage nichts, gar nichts, ganz und gar nichts* [ibid, S. 85].

В ИТ2 к сопутствующим мотивам можно отнести следующие:

а) световой: *Lang nach Mitternacht...* [4, S. 49]; *in dem dunklen Zimmer* [ibid, S. 51]; *Im Wagen war es hell, die Buchseiten leuchteten fast...* [ibid, S. 52]; *...und schon war es später Nachmittag: lange Schatten, wenn die Sonne einmal kurz hervorkam...* [ibid, S. 57];

б) звуковой: *Vor dem Theater fuhr ein Polizeiauto durch diese Gedanken, mit einer jaulenden Sirene, die das Orchester fast unhörbar machte* [ibid, S. 45]; *Die wenigen Gäste ... redeten jetzt laut* [ibid, S. 47];

в) мотивы ужаса и смерти: *...und doch verging mir dieser Tag so schnell wie Tage in Vampirfilmen* [ibid, S. 52]; *...ich half, den Toten ins Haus zu tragen...* [ibid, S. 57]; *...im Vordergrund, so nah, dass man von ihm nur den Kopf sah, ging plötzlich ein Monster vorbei* [ibid, S. 61] (in einem Fernsehfilm).

В-четвертых, аксиологический фон в ИТ1 и ИТ2 конструируется с помощью следующих синтаксических средств:

а) вопросов, чаще всего риторических, которые главный герой постоянно задает себе: *Und wenn der Gegenstand nichts wert sei?* [2, S. 56]; *Was steckte dahinter, wenn sie «Alles Gute» diktierte?* [ibid, S. 86]; *Wo aber war die Umgebung, in der ich endlich zeigen würde, dass ich anders sein konnte?* [4, S. 18]. Любое обстоятельство, предмет или черта характера могут вызвать желание протагониста ИТ1 задать себе вопрос – вопрос иррационального характера. В ИТ2 риторические вопросы главного действующего лица сообщают о

его эмоциональной напряженности, потрясении, сильной взволнованности, возмущении и выполняют функцию усиления выразительности высказывания;

б) восклицательных неполных предложений, присутствующих во внутренней речи главных героев ИТ1 и ИТ2. В ИТ1 – это восклицания Й. Блоха, которые звучат либо как приказы самому себе, например: *Aus!* [2, S. 59]; *Nicht transportfähig!* [ibid, S. 74]; *...verscharren, dachte Bloch, verbieten, entfernen!* [ibid]; *Keine Ablenkung!* [ibid, S. 79]; *Ungültig!* [ibid, S. 17], либо являются наименованием предметов или фактом, но воспринимаются Блохом не иначе как знаками, которые он, по его мнению, должен истолковать (*Als ob sie [die Gegenstände] mir zuwinken und Zeichen geben!* [ibid, S. 86]), например, *Bienenschwarm!* [ibid, S. 68]; *Ein Pförtner mit einem Schlüssel!* [ibid, S. 69]; *Wie Luftaufnahmen!* [ibid, S. 72]; *...auf den Dachziegeln lag Moos (auch so ein Wort!)...* [ibid, S. 92]; *Ein Wasserhahn wurde stark aufgedreht und gleich wieder abgedreht. Als sei jemand erschrocken!* [ibid, S. 95]. В ИТ2 восклицательные предложения выражают определенное эмоциональное отношение главного действующего лица к действительности – презрение, несогласие, восхищение, огорчение – в более категоричной форме, например: *Mein Leben bis jetzt, das durfte noch nicht alles sein!* [4, S. 25]; *Es war unvorstellbar, daß sie es sich jetzt nicht irgendwo gutgehen ließ. Von meinem Geld!* [ibid, S. 45].

Обобщим по способам передачи в ПТ созданного в ИТ1, ИТ2 аксиологического фона.

В целом переводчик ПТ1 использует те же средства, что и автор ИТ1. Остановимся подробнее на том, какие переводческие решения при передаче оценочных значений являются удачными, а какие – менее удачными.

Анализ ПТ1 позволяет сказать, что в ПТ1 есть множество примеров удачных переводческих решений. Имеющиеся в немецком и русском языках параллелизм словарных значений слов и устойчивых словосочетаний, категориальных и грамматических форм (частей речи, глагольных форм, падежных форм существительных и т.д.), параллелизм членов предложений и словосочетаний русского и немецкого языков позволяют переводчику осуществить сложные подстановки с дифференциацией значения: *Bloch machte die Augen auf, als es unerträglich wurde* [2, S. 20] => *Когда это сделалось невыносимо, Блох открыл глаза* [3], *Ekel und Scham, beides zusammen war so stark, dass ihn der ganze Körper zu jucken anfang* [2, S. 103] => *Отвращение и стыд вместе были так сильны, что все тело у него начало зудеть* [3].

Переводческий прием трансформаций разного рода (категориально-морфологические, синтаксические), преобладающий в проанализированных примерах, направлен на преодоление лингвоэтнического

барьера [6], а именно на расхождения систем и норм исходного и переводного языков, например:

1) категориально-морфологические трансформации: *Bloch war unruhig* [2, S. 16] => *Блоха не оставляло беспокойство* [3];

2) синтаксические трансформации: *Draußen hatte sich ein Kind beim Spielen so gut versteckt, dass es nicht gefunden wurde* [2] => *На улице кто-то из детей, играя в прятки, так хорошо спрятался, что его и не нашли* [3].

Несмотря на названные удачные примеры, в целом ПТ1 оставляет скорее негативное впечатление. Поясним.

1. Переводчик часто прибегает к буквализмам, не учитывая разницу языковых норм немецкого и русского языков, т.е. допускаемых видов лексической сочетаемости: *Ein Wasserhahn wurde stark aufgedreht und gleich wieder abgedreht. Als sei jemand erschrocken!* [2] => *Сильно отвернули водопроводный кран и сразу же опять завернули. Будто испугавшись!* [3]. Это не ведет к искажению содержания ИТ1, но отвлекает реципиента от восприятия текста и ставит под сомнение мастерство переводчика как транслятора авторских интенций, вызывает сомнение, что именно так, а не иначе выразил свою мысль автор.

2. Переводчик использует просторечную экспрессивную лексику, т.е. слова со стилистически сниженным, грубым и даже вульгарным оттенком, которые находятся за пределами литературной речи, к чему не прибегает автор ИТ1 (*его коробило, двери... были на запоре, лазил, меня звать Герда, из носу, разглагольствует, наподдал*), вследствие чего повышается степень категоричности высказывания, что в большинстве случаев не оправдано и ведет к искаженному представлению о писателе и об индивидуально-авторском использовании им языка.

В результате перевод воспринимается как сырой и незавершенный, а это отрицательно сказывается на импрессивной эквивалентности [7] ПТ1 тексту оригинала, а достижение импрессивной (коммуникативно-функциональной) эквивалентности, в свою очередь, представляется наиболее важной при переводе художественного текста в силу его особенностей.

Анализ ПТ2 показал, что все переводческие приемы носят смешанный характер и используются комплексно, поэтому не представляется возможным выделить из них доминирующие. Это вполне объяснимо тем, что в ИТ2 оценка различных объектов выражается в большинстве случаев целым предложением, чаще всего сложносочиненным или сложноподчиненным, т.е. мы имеем дело с объемными отрезками текста. Невозможность обозначить одно или несколько преобладающих переводческих решений не означает, что ПТ2 лишен определенной переводческой стратегии. Более того, можно сказать, что

использование разного рода трансформаций и подстановок обеспечивает более адекватное восприятие ПТ2 и более близкую к ИТ2 импрессиивную эквивалентность ПТ2. Примеры, приведенные ниже, подтверждают сделанный вывод (табл.).

Словосочетание из первого примера *verschrobener Sinn* можно перевести на русский язык как *искаженный/странный смысл*, а устойчивое выражение немецкого языка *einen verschrobenen Sinn für etw. (A.) haben*, в свою очередь, не имеет аналогичного соответствия в русском языке и трансформируется в совершенно адекватное для восприятия носителя русского языка выражение *видеть что-либо, будто в кривом зеркале*.

Следующий пример (2) иллюстрирует интенсификацию категоричности, в котором в ИТ2 она достигается за счет повтора, а в ПТ2 – за счет добавления сходных по функциям, фактически синонимичных выражений. Кроме того, устойчивое разговорное выражение немецкого языка *j-n zu Brei schlagen* (букв.: *избить кого-л. в кашу*) может передаваться на русский только функционально эквивалентными единицами, какими являются *сделать из кого-л. котлету, стереть кого-л. в порошок, изувечить кого-л.*

Необходимость антонимического перевода в четвертом примере обусловлена различиями концептуализации и категоризации действительности представителями разных культур, так как перевод выражения *Es wäre nicht schön für dich* как *это может нехорошо кончиться* снизило бы степень категоричности высказывания ПТ2 по сравнению с ИТ2.

В последнем из приведенных примеров мы сталкиваемся с различиями словообразовательных моделей немецкого и русского языков. Лексему *Fledermausflügel* возможно передать на русский язык только тремя лексическими единицами – *крылья летучих мышей*. Компактное словосочетание *mit Fle-*

dermausflügeln flattern невозможно передать на русский язык без определенных трансформаций. В русском языке существует выражение *трепетать крыльями*. Однако в случае, если расширить его, как в ИТ2, до *трепетать крыльями летучих мышей*, словосочетание будет восприниматься как громоздкое и не производить на реципиента предполагаемого эффекта. Переводчик решил эту задачу с помощью приема перераспределения содержания и увеличения объема словосочетания, сохранив тем самым образную составляющую и сняв трудности, которые могли возникнуть у носителей русского языка.

Несмотря на то, что в приведенных примерах переводчик определенным образом трансформирует содержание ИТ2, используя функционально-адекватные замены (1, 2), экспликацию (4) и перераспределение содержания (5) или антонимический перевод (3), можно признать названные трансформации правомерными, поскольку использование словарных соответствий привело бы к неадекватному восприятию ПТ2 реципиентами и/или нарушению норм лексической сочетаемости русского языка.

Изложенные выше положения дают нам право утверждать, что переводчик ПТ1 руководствовался стратегией воспроизведения средствами переводного языка всех более или менее существенных характеристик текста оригинала, т.е. семантико-структурных особенностей ИТ1. Данную стратегию используют с целью сохранения языкового своеобразия ИТ как результата творческой деятельности автора произведения. Тем не менее переводчику не удалось в полной мере сохранить аксиологический фон, созданный автором оригинального текста.

Переводчику ПТ2, в свою очередь, удалось:

- распознать принципы функционирования аксиологического фона в ИТ2;
- декодировать основную авторскую интенцию ИТ2, касаемую аксиологического аспекта;

Т а б л и ц а

Правомерные переводческие трансформации ИТ2

№	ИТ2	ПТ2
1	<i>Mir fiel wieder ein, dass auch ich lange Zeit nur einen verschrobenen Sinn für die Umwelt gehabt hatte...</i> [4, S. 65]	<i>Тут я подумал, что и сам долгое время тоже видел мир, будто в кривом зеркале</i> [5]
2	<i>Ich schlage dich zu Brei, ich schlage dich zu Brei, ich schlage dich zu Brei</i> [ibid, S. 57]	<i>Я же сделаю из тебя котлету, я тебя в порошок сотру, я же тебя изувечу</i> [ibid]
3	<i>Es wäre nicht schön für dich, von mir gefunden zu werden</i> [ibid]	<i>...я не советую тебе найтись, это может плохо кончиться</i> [ibid]
4	<i>Mit einem Gefühl, als sei der Fuß, den ich jeweils vorsetzte, zu leicht...</i> [ibid]	<i>Со странным чувством, будто нога, которую я выкидывал вперед, делая шаг, слишком легка...</i> [ibid]
5	<i>...und ein Grausen wurde so stark, dass die Gegenstände im Zimmer mit Fledermausflügel zu flattern schienen</i> [ibid, S. 61]	<i>...меня обьял такой ужас, что, казалось, все предметы в комнате превратились в летучих мышей и трепещут крыльями</i> [ibid]

- подчинить свои переводческие действия выбранной стратегии;
- реализовать в пространстве ПТ2 стратегию межкультурной адаптации¹, т.е. адаптации создаваемого текста под лингвоэтнические особенности восприятия нового адресата;
- обеспечить адекватность эмоционально-эстетического воздействия на реципиента.

Таким образом, изолированное от контекста высказывание является наименованием ситуации, которая отражает часть знания о мире. Погружение этой же ситуации в аксиологический контекст оценочно маркирует ее за счет содержащихся в тексте имплицитных смыслов, которые раскрываются только на уровне макротекста. При переводе имплицитные смыслы могут не распознаваться или ими пренебрегают как менее важными, поэтому часто ПТ оказываются неравноценными ИТ, несопоставимыми с ИТ по своему воздействию на реципиента.

Итак, в ходе нашего исследования мы выявили маркеры аксиологического фона двух типов:

1) маркеры, значимые для изучения закономерностей категоризации сведений о мире вообще, которые проявились при анализе переводческих трансформаций;

¹ Рассматривая термин «адаптация» в широком значении, ученые определяют его как способ достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и в тексте перевода, а так же, как приспособление текста к идентичному его восприятию читателем иной культуры перевода [7; 8].

2) маркеры, значимые для изучения закономерностей аксиологической категоризации, проявившиеся в невозможности воссоздания аксиологического фона ИТ1 в ПТ1, поскольку он не был распознан носителем иной культуры в связи с неповторимостью системы ценностей каждой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Herwig Malte*. Meister der Dämmerung. Peter Handke. Eine Biografie / Malte Herwig. – München, 2010. – 364 S.
2. *Handke P.* Die Angst des Tormanns beim Elfmeter / P. Handke. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1972. – 120 S.
3. *Хандке П.* Страх вратаря перед одиннадцатиметровым / П. Хандке ; пер. В. Курелла. – Режим доступа: http://lib.misto.kiev.ua/INPROZ/HENDKE_P/strah.txt
4. *Handke P.* Der kurze Brief zum langen Abschied / P. Handke. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1972. – 196 S.
5. *Хандке П.* Короткое письмо к долгому прощанию / П. Хандке ; пер. М. Рудницкого. – Режим доступа: http://lib.misto.kiev.ua/INPROZ/HENDKE_P/prohanie.txt
6. *Латышев Л. К.* Перевод : теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие для студентов пер. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семёнов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
7. *Фененко Н. А.* Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 140 с.
8. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

Воронежский государственный университет

Хрипунова И. И., аспирантка кафедры немецкой филологии

E-mail: ilona.khr@hotmail.com

Тел.: 8-960-125-57-03

Voronezh State University

Khripunova I. I., Post-graduate Student, Department of German Philology

E-mail: ilona.khr@hotmail.com

Tel.: 8-960-125-57-03